

Георг Шустер

**Тайные общества, союзы и
ордена. Часть 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г36

Г36 **Георг Шустер**
Тайные общества, союзы и ордена. Часть 1 / Георг Шустер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-458-24431-2

"Предлагая вниманию русских читателей книгу Шустера, я хочу сказать несколько слов о ее значении. Дело в том, что автор начинает свою историю тайных союзов несколько издалека, с изложения древних цивилизаций, на лоне которых впервые обнаружилось присущее человечеству стремление объединяться на почве совместного изучения тайны. Влечение к таинственному, стремление к тайным союзам религиозного, нравственного, политического характера: вот что связывает человечество на всех ступенях его развития, начиная с обществ дикарей, суеверно взирающих на своего знатаря, и до наших дней. Что же касается научного значения его книги, то автор обладает колоссальной эрудицией в области средневековой и новейшей истории тайных обществ. Он доводит ее до наших дней, пользуясь громаднейшей печатной и рукописной литературой. В этом смысле всеобъемлемости и компетентности труда Шустера превосходит, насколько мне известно, все, что по этой части появилось до сих пор." Профессор А. Л. Погодин 6 марта 1905 года. Из оглавления 1 тома: 1. Египтиане. 2. Вавилония и Ассирия. 3. Иранцы. 4. Индуисты. 5. Греция. 6. Кельты. 7. Палестина 1. Ислам. 2. Орден Тамплиеров. 3. Тайные судилища. 4. Общества каменщиков 1. Крестьянские заговоры. 2. Староверческие общины и перекрещенцы. 3. Иезуиты. 4. Академии натуралистов.

ISBN 978-5-458-24431-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

далеко не легокъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шустеръ любить выражаться нѣсколько вычурно, и переводчика, г-жа О. Волькенштейнъ, и я потрудились не мало: будучи нѣ всегда легкимъ въ смыслѣ слога, онъ во всякомъ случаѣ вѣренъ.

Професоръ *A. Л. Погодинъ.*

6 марта 1905 года.
Варшава.

ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА,

СОЮЗЫ и ОРДЕНА

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена и у всех народов существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цели и приемы. Мы встречаем такие союзы в самых различных формах у диких первобытных народов, в глубокой древности, в мрачные средние века, а также и в более светлые дни, которые явились на смену этой суровой, безотрадной эпохи.

Из древних времен нам известны тайные общества египетских и индийских жрецов, пифагорейцев и орфиков, различные греческие и римские мистерии, иудейские ессеи и кельтские друиды.

В средние века мы встречаем общество плотников и каменщиков, известное под именем *Ванхитеп*; отсюда впоследствии возникло общество свободных каменщиков — масонов; далее мы находим в средние века орден тамплеров, тайные судилища, каланды*, братства Вольфганга (*Wolfgangsbruderschaften*) и вальденцев, ана뱁тистов и иезуитов. В новая и новейшая времена привлекают к себе наше внимание рожнекреперы, иллюминаты и рыцари солнца, карбонарии, секта друзов и дервиши, сицилийские маффюзы, греческие гетерии, ирландские фени, *Oldfellows***, масоны и друиды.

Насколько возможно судить на основании дошедших до нас, частью весьма скучных, преданий и свидений об этих тайных обществах, они представляли собою или замкнутые кружки людей, возвышавшихся над общим уровнем своими дарованиями и высокими стремлениями, или служили во времена невагод и гонений веерным хранилищем высших духовных сокровищ, религии и философии, а также политических идей.

В общем, почти все они служили одной и той же высокой цели: просвещению и благорожению ближняго, освобождению порабощенного человечества от духовного, политического и социального гнета. Впрочем, не подлежит сомнению, что их цели нередко бывали довольно туманны и даже безнравственные, что под густым покровом таинственности скрывалась лишь гнусная погоня за чинами и титулами, что легкомысленные головы лишь по детски забавлялись громкими фразами, безсодержательными обрядами и символами. Известно также и то, что нередко

* Тайное общество взаимопомощи.—*Прим. перев.*

** Нечто в роде ремесленных обществ.—*Прим. перев.*

завѣдомые обманщики, фантазеры, личности пошиба Катилины, люди худшаго разбора основывали такія общества или же втирались въ существующіе союзы, чтобы пользоваться ими для своихъ личныхъ, низменныхъ цѣлей.

Въ такихъ случаяхъ духовные плевелы быстро заглушали хорошие вехи и приводили къ полной гибели общества, если не вызывали энергического противодѣйствія, которое ставило предѣльъ ихъ преступнымъ стремлѣніемъ. Отличительно чertoю тайныхъ обществъ является стремление громаднаго большинства ихъ, при своемъ возникновеніи и въ своемъ развитіи, представить собою необходимое дополненіе къ политической, религіозной и соціальной жизни общества, которое они хотѣли просвѣтить и исправить своимъ безкорыстнымъ трудомъ и самоотверженnoю дѣятельностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется также и то обстоятельство, что первыми основателями и руководителями такихъ обществъ были исключительно духовныи лица, представители разныхъ религій. Какъ у древнихъ цивилизованныхъ народовъ, такъ и въ позднейшую христіанскую эпоху они проявляли неутомимую дѣятельность въ этомъ направлении, а въ жалкомъ существованіи дикихъ первобытныхъ народовъ играли въ этомъ смыслѣ весьма значительную, если не важнѣшую роль.

Такое явленіе для того времени весьма необычайно. Оно получаетъ, однако, весьма простое объясненіе, если принять во вниманіе его тѣсную зависимость отъ возникновенія и развитія религіознаго самосознанія.

Изъ всѣхъ нравственныхъ идей, которыя когда либо существовали, существуютъ и будуть существовать на свѣтѣ, религіозная идея отличается наибольшою устойчивостью и могущественною длительностью. Ея таинственная власть, непрестанно мѣняясь, господствуетъ надъ человѣческимъ сердцемъ, надъ нравственностью народной массы; эта идея руководитъ наукой, искусствомъ и поэзіей, вѣмъ ходомъ міровой жизни, историческими путями человѣчества.

Много вѣковъ подъ рядъ человѣчество мучительно работало надъ уясненіемъ религіознѣй проблемы, но до сихъ поръ еще не проникло въ сущность ея и вмѣстѣ съ тѣмъ не разрѣшило загадки бытія. Философія религіи, теологическое и антропологическое міровоззрѣніе и скептицизмъ, Іовъ, Аристотель и Софокль, Цицеронъ, Августинъ и Фирдуси, Шекспиръ, Гальдеронъ, Вольтеръ и Шопенгаузъ,—всѣ они работали надъ расширениемъ этой проблемы. Но имъ удалось установить лишь одно основное положеніе: человѣкъ не можетъ отречься отъ идеи Бога,—все равно, стоитъ ли онъ на низшей ступени первобытнаго состоянія, или же на вершинѣ цивилизациі, «человѣкъ незѣбѣжно долженъ проникнуться идеей божества, онъ не можетъ отречься отъ нея, какъ не можетъ освободиться отъ собственной совѣсти» *. Гений также не можетъ быть чуждымъ религіознаго чувства. Какъ сильна въ немъ пекренняя религіоз-

* Этнографія не знаетъ человѣческихъ обществъ, не имѣющихъ религіи. „Полное отсутствіе религіозности“, говоритъ Ратцель, „есть слѣдствіе отуillaющаго вліянія сверхъ-культуры, но никогда не является слѣдствіемъ первобытной непкультурности“.

ность, доказалъ Гёте, написавъ свою превосходную оду «Границы человечества».

Религіозное чувство въ человѣческомъ обществѣ пробуждается значительно раньше, чѣмъ люди начинаютъ различать добро и зло.

Конечно, у первобытныхъ народовъ не существуетъ той ясности, какую мы наблюдаемъ у іудеевъ, христіанъ и магометанъ. Во всей ихъ духовной жизни нѣть единства, нѣть опредѣленной системы. Первобытный человѣкъ повсюду вокругъ себя видитъ властныя проявленія силъ природы, которыя вызываютъ въ немъ тягостное ощущеніе собственного ничтожества и сознаніе своей подчиненности. Природа кажется ему подавляющею его враждебной силой, которая со всѣхъ сторонъ безчисленными препятствіями стесняетъ и ограничиваетъ его волю. И въ безпрерывной борьбѣ съ этимъ злымъ врагомъ онъ не успѣваетъ разобраться во внутренней сущности его. Ужасающіе его громы и молніи, утренняя и вечерняя зори, страшная сила бушующихъ урагановъ, пламя вулкановъ, видимое на громадномъ разстояніи, возмущенный бурей, кипящія волны океана—все это порабощаетъ его умъ и наполняетъ его страхомъ и ужасомъ; съ другой стороны, видъ звѣздного неба, согрѣвающіе луци солнца, сіяніе луны и звѣздъ производятъ на него глубочайшее впечатлѣніе своимъ величественнымъ спокойствіемъ и правильной смѣной явлений. Даже безбрежная морская гладь, безграничная степь, таинственная тишина первобытнаго лѣса, шелестъ деревьевъ, тихій плескъ источниковъ, уходящія въ облака синѣйшая вершины горъ расширяютъ кругозоръ первобытнаго человѣка, этого исполненнаго предразсудковъ «существа человѣческаго рода»; они пробуждаютъ и призываютъ къ себѣ его вниманіе.

Великія явленія природы пробуждаютъ въ человѣческомъ духѣ глубокую потребность дослѣдовать причины каждого явленія, каждого события, причемъ у первобытныхъ народовъ проявляется сильная наклонность до извѣстной степени одицетворять всѣ силы природы. Неправильное примѣненіе закона причинности приводить затѣмъ къ тому, что человѣкъ ставитъ себѣ въ такую зависимость отъ созданныхъ его воображеніемъ признаковъ, что не въ состояніи уже отъ нихъ отрѣшиваться. Если же предметы вицѣнаго міра представляются одушевленными и обладающими волей, они кажутся также виновниками бѣдствій, истинная причина которыхъ скрывается отъ умственнаго взора человѣка. Вследствіе этого въ глубинахъ человѣческаго ума возникаетъ смутное предчувствіе, что ему удастся современемъ сдѣлаться господиномъ природы. Человѣкъ предается безумной мечтѣ, будто онъ въ состояніи уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить влияніе таковыхъ силъ природы. Поэтому онъ прибѣгааетъ къ извѣстнымъ премамъ, знакамъ, изреченіямъ, которые уже проявили свою силу,—шаманъ самообманъ, не чуждый въ болѣе утонченномъ видѣ даже самыми высокими умамъ.

Такіе моменты въ жизни народовъ обозначаютъ начало религіознаго поклоненія; эти начала, подобно, напр., идеѣ жертвоприношенія, неразлучно сопутствуютъ историческому развитію религіознай мысли. «Идея жертвоприношенія выражается въ различныхъ дѣяніяхъ; она заставляетъ брамин-

скаго Йоги бросаться подъ колесницу Джагерната, она руководить финикийскою матерью, которая кидаетъ свое дитя на раскаленныя руки Молоха; она заставляетъ грека приносить гекатомбу въ жертву Зевсу. Эта же идея внушаетъ буддисту желаніе положить цвѣты къ ногамъ статуи своего пророка, побуждаетъ весталку, монахиню и дѣву солнца дать клятву въ вѣчномъ цѣломудріи, а мусульманина—во славу своего Аллаха убивать глуровъ; она учить христіанъ уничтожать альбигойское населеніе цѣлыхъ городовъ; создаетъ инквизиціонные суды, которые предпринимаютъ массовыя сожжения «вѣдьмъ», и руководить благочестивымъ паломникомъ, который на колѣняхъ взирается по ступенямъ собора Петра и Павла. Все это различныя выраженія одной и той же идеи жертвопріношенія» *.

Объектомъ религіи въ ея первобытной и грубой формѣ является все, что привлекаетъ къ себѣ взоры человѣка, стоящаго на уровнѣ анимизма: цвѣты, камни, раковины, перья, живыя существа.

Изъ неодушевленныхъ предметовъ особенное поклоненіе вызывали повсюду камни. Метеоры, падавшіе на землю въ раскаленномъ видѣ, легко возбуждали въ людяхъ благоговѣніе къ себѣ. Они становились фетишами. Памятниками такого фетишизма, безспорно, является, напр., камень въ Виолеемѣ, освященный, согласно бблейскому сказанію, Іаковомъ, который на немъ отдыхалъ; черный камень въ Каабѣ, въ Меккѣ, и тотъ, который замуравленъ въ мечети Омара въ Иерусалимѣ. Еще въ XI вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ англійская церковь должна была строгими эдиктами бороться съ продолжавшимся культомъ камней.

Еще въ большей степени распространено было повсюду поклоненіе деревьямъ. Деревья и цѣлыя рощи обоготворялись, какъ божества или какъ обиталища боговъ,—культъ, распространенный въ особенности среди первобытныхъ германцевъ. Въ древней Греціи велинія боговъ распознавались въ шелестѣ священного дуба въ Додонѣ и въ журчаніи священнаго источника, протекавшаго у его основанія. Чьи чувства могли бороться съ очарованіемъ шелеста листьевъ, грозного шума, подымаемаго бурей, когда стонали вѣти и ломались цѣлые сучья? Фантазія первобытнаго человѣка охотно рисовала себѣ такой бушующій лѣстъ въ образѣ одушевленнаго предмета.

Какъ мы уже сказали, вода, въ особенности источники, почтальась, какъ нечто божественное. Такъ, текущія воды считались у древнихъ персовъ настолько священными, что они страшились чѣмъ нибудь запятнать ихъ чистоту.

Кто желалъ совершить особенно благочестивое дѣяніе, тотъ строилъ мосты черезъ рѣки и ручьи, чтобы такимъ образомъ предотвратить прохожденіе ихъ въ бродъ. Когда персидскій царь Ксерксъ, отправляясь въ 480 г. до Рождества Христова въ Грецію, дошелъ до Геллеспонта и увидѣлъ, что построенный черезъ него pontонный мостъ разрушенъ ураганомъ, онъ приказалъ высыпать волны плетьями,—наказаніе, которое, очевидно, предназначалось богу моря.

* Joh. Scherr. Geschichte der Religion. Leipzig 1857.

Поклонение животным — тоже весьма древняго происхождения, въ особенности культь змѣй, который еще и въ наши дни процвѣтает въ Индіи и въ могущественномъ негритинскомъ государствѣ — Дагомѣѣ, о которомъ въ послѣднее время такъ часто говорить. Мы знаемъ, что и Моисей однажды не устоялъ передъ искушеніемъ воздвигнуть мѣдное изображеніе змѣя, которое считалось народной святыней и впослѣдствіи хранилось наряду съ ковчегомъ завѣта и другими сокровищами въ іерусалимскомъ храмѣ, откуда лишь много вѣковъ спустя изгналъ его богообоязненный леzekія.

Но мыслящи народъ не можетъ долго оставаться на такой низкой ступени культуры. Чѣмъ шире развивается разумъ человѣка, тѣмъ больше онъ сознаетъ себя свободнымъ существомъ, дѣйствующимъ по собственному усмотрѣнію и по собственной волѣ, тѣмъ больше онъ постепенно удаляется отъ поклоненія явленіямъ природы и предметамъ животнаго и растительнаго царства; человѣкъ узнаетъ по опыту, что такие объекты его поклоненія часто дѣлаются жертвами другихъ силъ, воздействию которыхъ они подвергаются. Слѣдовательно, должны существовать еще другіе боги, обладающіе высшою властью. Понявъ это, люди обратили свои взоры къ солнцу и къ вѣчнымъ звѣздамъ, къ тому, что превыше всего, что недоступно человѣческой рукѣ; имъ казалось, что въ нихъ они познали невѣдомаго творца и средоточіе тѣхъ силъ природы, которая уже нельзя видѣть, но можно лишь уразумѣть по тому воздействию, которое онъ оказываютъ на природу. Поклоненіе силѣ, а, слѣдовательно, явленію, уже недоступному чувственному познанію, могло, однако, развититься лишь у тѣхъ людей, которые уже достигли извѣстной умственной зрѣлости. Такими явились прежде всего земледѣльцы, такъ какъ развитіе высшей культуры возможно лишь съ наступленіемъ земледѣльческаго строя и связанныго съ нимъ осѣдлого образа жизни.

Для темныхъ народныхъ массъ, однако, оставалась непонятной духовная сторона аллегорического культа природы. Отвлеченные представленія понимались дословно, невидимое принимало образъ и форму, облекалось въ плоть и кровь. Развивалась мифологія.

«Имя прилагательное, опредѣлявшее силу явленія, превращалось въ собственное имя божества; имя, въ свою очередь, создавало представление о существѣ, которое сейчасъ же относилось къ женскому или мужскому полу, смотря по грамматическому роду вспѣша въ употребленіе названія, и пробужденное воображеніе продолжало уже работать дальше, сочиняя божественный романъ *.

Культъ солнца уже переставалъ удовлетворять; вскорѣ стали возникать сомнѣнія въ томъ, что дневное свѣтило является первой причиной всѣхъ вещей, такъ какъ развитіе и ростъ всего существующаго продолжается и ночью.

Явилось поклоненіе безконечному, вѣчно движущемуся небу и плодоносной землѣ. Небо, мощное и величественное, которое повелѣвало вѣ-

* Peschel. Völkerkunde. (Bearbeitet von Alfred Kirchhoff). Лейпцигъ 1835.—Въ образованіи мифовъ большую роль играли языки, которые различаютъ грамматический родъ, какъ арійскіе и семитические.

трами и облаками, громами и молниями, люди представляли себѣ существомъ мужскаго рода въ противоположность женственной, создающей въ тиши, воспрѣмлющей землю. Изъ союза ихъ произошелъ цѣлый рядъ боговъ, и каждому изъ нихъ, въ свою очередь, была приписана особая генеалогія. Такимъ образомъ возникли сперва семьи боговъ и затѣмъ цѣлыя поколѣнія ихъ; во главѣ этихъ послѣднихъ быть поставленъ такой богъ, который казался самыемъ могущественнымъ изъ всѣхъ силъ природы.

Но безгранична народная фантазія не удовлетворилась этимъ. Она дошла наконецъ до полнаго воплощенія въ человѣческомъ образѣ первоначально божественныхъ существъ. Антропоморфическій богъ получалъ новую чеовѣческую генеалогію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, превратившись въ героя, переходилъ въ область легендарной поэзіи.

Когда воображеніе придало божествамъ вполнѣ человѣческія черты, создавшіеся мионы сдѣлались вдохновителями искусства. Поэзія, музыка, живопись, скульптура и архитектура соединились, чтобы при помощи слова, красокъ, звуковъ, рѣзы и молотка воплотить идею божества въ человѣческомъ образѣ. Тамъ, где виѣнѣшнее воплощеніе религіозной идеи достигло высшей степени совершенства, ся внутреннее содержаніе немедленно отступало на задний планъ. Изображеніе бога само дѣлалось божествомъ. Люди хотѣли видѣть своего бога, говорить съ нимъ. Какъ произведеніе искусства, онъ становится уже собственностью общины. Ему строятъ храмы, окружаютъ его символами и ритуаломъ, и фетишъ готовъ. Негръ, который грубо и безвкусно дѣлаетъ себѣ фетиша изъ чурбана, и Фидій, рѣзу котораго принадлежитъ Зевсъ, одинаково хотѣли олицетворить своего бога.

Громадное значеніе въ созданіи и развитіи религіи играли, конечно, жрецы. Сперва обязанности жреца возлагались на старѣйшаго въ родѣ, во по мѣрѣ того какъ жизненный строй принималъ большую устойчивость, званіе жреца становилось наследственнымъ, и наконецъ складывалось отдельное сословіе или каста жрецовъ. Когда же складывалася жреческій клаcсъ, религія выигрывала въ своемъ развитіи, благодаря ихъ спекулятивной дѣятельности, направленной какъ на догму, такъ и на культу.

Междуду тѣмъ какъ съ теченіемъ времени первоначальное ядро божественного и героического эпоса, олицетвореніе силъ природы изглаживалось изъ памяти потомковъ; между тѣмъ какъ вымыслы его начали принимать заѣйтствительность, — среди касты жрецовъ сохранился истинный смыслъ древнихъ миѳовъ, который и превратился въ болѣе высокое теологическое ученіе, доступное только посвященнымъ. Таинственность, которую окружали себя служители храмовъ, въ значительной степени усиливала то почтеніе иуваженіе, съ какимъ относились къ нимъ народъ, и обезпечивала ихъ сословію прямое влияніе на всѣ общественные и частныя дѣла. Давно уже извѣдано, что только таинственные и загадочные вещи, особенно если онѣ окружены соотвѣтствующей, такой же таинственной обстановкой, оказываются въ состояніи произвести прочное впечатлѣніе на неразсуждающую толпу.

Поэтому у всѣхъ древнихъ культурныхъ народовъ, у египтянъ, персовъ, индусовъ, евреевъ, грековъ и римлянъ — мы находимъ тайныя обще-